

ГЛАВА 1

Гуров, не сводя взгляда с лобового стекла, протянул руку в сторону и, не нащупав гладкий холодный бок пластиковой бутылки с водой, раздраженно посмотрел на пассажирское кресло. Бутылки там и в помине не было, зато лежали зимние кожаные перчатки на меху, пачка сигарет, пустая картонная коробка из-под чикен-бургера и шарф.

Лев Иванович с трудом наклонился вниз, опустил руку под кресло, пошарил по грязному половику. Пусто.

Он резко выпрямился и снова стал наблюдать за безлюдной деревенской улицей, по обе стороны от которой за кривыми деревянными заборами стояли старые деревянные одноэтажные дома. Казалось, время тут остановилось и, несмотря на близость столицы, кое-где неподалеку от нее, буквально в паре километров от Кольцевой дороги, все еще можно было найти островки советско-

го прошлого, где на пару десятков покосившихся хат приходилось одно сельпо, на полках которого черные резиновые сапоги соседствовали с пакетами молока. Банкоматов здесь не существовало, вышки сотовой связи либо отсутствовали, либо плохо работали. Любую ограду можно было повалить, лишь облокотившись на нее, а каждый взрезной замок только с виду казался надежной защитой дома, но на деле зачастую вынимался из дверей одними пальцами. А природа тут казалась усталой — недавно выпавший снег не закрашивал монохром пейзажа, он подчеркивал его убогость, скорое же наступление новогодних праздников не навевало мыслей о чем-то теплом, уютном, радостном, а лишний раз напоминало о том, что пора бы отсюда валить, да некуда.

Отвлекаться было нельзя, хотя за полчаса наблюдения не произошло ничего. Он мог бы вернуться в Москву, доложить о произошедшем генералу Орлову, переброситься парой слов со своим напарником Стасом Крячко, а потом просто сообщить в местное отделение полиции о том, что в крохотном селе скрываются опасные преступники, которых неплохо было бы задержать. Однако интуиция Гурова не разрешала покинуть пост.

Пару часов назад, когда Лев Иванович ехал на Петровку, на светофоре он увидел перед собой заляпанную грязью темно-серую «Волгу ГАЗ-24». Такие уж и не производят, а жаль — машинка-то с историей. Но не сама «Волга» его смутила, а ее номерной знак. Гуров его хорошо запомнил и теперь опознал, несмотря на то что буквы и цифры еле-еле проглядывали из-под грязевого напыления. Именно эти цифры назвала девушка, которую пассажиры этой машины хотели похитить прямо на улице, а когда она заорала благим матом, то вышвырнули обратно на тротуар. Девушка оказалась бойкой, в полицию обратилась сразу, и через час о происшествии было доложено генерал-майору Петру Николаевичу Орлову по причине того, что за последние полгода по Москве и области прокатилась волна похожих нападений, и расследование он держал на контроле. Трем жертвам удалось спастись, а вот трем другим не повезло — их таки затащили в салон и увезли в неизвестном направлении.

Все случаи нападения и похищения, кроме одного, были зафиксированы камерами наблюдения, но «Волгу» до этого момента найти так и не удалось, несмотря на помощь ГИБДД.

Девушек ничто не связывало, кроме того, что все были примерно одного возраста и что моменты похищения или попытки его совершить предпринимались в малолюдных местах. Похитители к тому же мотались по разным районам столицы, что затрудняло работу следователей.

Встретить бандитов по дороге на работу, пусть даже случайно, Гуров считал великой удачей и всегда имел наготове план последующих действий, но в похожих ситуациях он хотя бы примерно представлял свой дальнейший маршрут движения. В прямом смысле. Но сегодня, стоя в ожидании зеленого сигнала светофора и пялясь на знакомые цифры, выбитые на номерном знаке, он и понятия не имел о том, в какую сторону рванут бандиты. Потому-то и сел им на хвост, чтобы проводить до их пункта назначения.

На Петровку о своих изменившихся планах он сообщил сразу. Но на вопрос, куда он направляется, ответить не смог, однако о маршруте, по которому двигаются его «Форд» и «Волга» бандитов, исправно докладывал.

Преступники на «Волге» направились в сторону области, останавливались по пути три раза, но ни заправочная станция, ни отделение банка, ни малюсенький продукто-

вый магазин не могли быть конечными пунктами следования. И лишь когда «Волга», сбросив скорость, осторожно вплыла в село, о котором Гуров ни разу в жизни не слышал, и, мягко покачиваясь на колдобинах, заехала во двор одного из домов, а потом и вовсе пропала, спрятавшись за ним, стало ясно, что они прибыли на место. Гуров остановил машину, а потом сдал назад. Две тачки для одного захолустья — слишком много. Его заметят, и все, к чему он стремился, полетит к чертям. Но ему повезло: удобное, неприметное, по его расчетам, место он нашел сразу. «Форд» можно было заметить, разве что выйдя на середину улицы, но даже если «Волга» снова снялась бы с места, то ее пассажиры его и в этом случае не увидели бы. Зато Гуров быстро пристроился бы следом.

Во внутреннем кармане куртки зазвонил телефон. Лев Иванович, спохватившись, мигом извлек его наружу и убавил громкость звонка.

— Алло, — негромко произнес он, отвечая на вызов.

— Где ты, Лева? — прозвучал из динамика голос Стаса Крячко.

— Сам только что хотел позвонить тебе, — ответил Гуров. — Село Тавшино в двенадцати километрах от Москвы, северное на-

правление, съезд с трассы сразу и не заметишь, но там кривой указатель с названием. Метрах в двадцати от него будет автобусная остановка.

— Тавшино, Тавшино... — пробормотал Стас. — Не припомню такого. Доложу Орлову, он направит к тебе отряд. А что рядом с Тавшино есть? Мимо чего ты еще проезжал?

— Мимо заправочной станции, потом какого-то рынка стройматериалов. Он через дорогу будет.

— Это ни о чем, Лев Иванович. Можно подумать, что ты впервые за рулем был.

— Стой, — оборвал Гуров приятеля. — Надо еще раз проверить.

— Что тут проверять? Ты номерной знак видел? Видел. Машина в розыске? В розыске. Что тут еще думать? Тебя привели в глухое место, а это, мне кажется, показатель.

— Все равно надо убедиться. Может, машина в угоне.

— В каком угоне? — не понял Стас. — Давно пробили номер. Владелец за разбой сидел, а это тебе не административка какая-то там.

Гуров не мог не признать, что Стас был прав. Если уж и брать сволочей, то только

сейчас, иначе уйдут восвояси. Та самая девушка, которую увезли на «Волге» с такими же номерами, все еще не нашлась, а ведь полиция обшарила все, что только можно. Вполне вероятно, что ее держат как раз в том самом доме, с которого Гуров не сводил глаз.

— Ну так что? — нетерпеливо спросил Стас. — А знаешь, иди-ка ты к черту. Сиди на месте, сейчас полиция прибывает.

— Стас, там какое-то движение. Погоди-ка.

Крячко послушно умолк, но отключать связь не стал.

Из-за угла дома выкатилась уж знакомая машина. Гуров инстинктивно сполз вниз по сиденью — издали никто и не увидит, что в «Форде» кто-то есть. Медленно, переваливаясь, «Волга» двигалась по улице навстречу «Форду». Лев Иванович напрягся и машинально расстегнул куртку, но вспомнил, что оружия с собой у него нет.

— Село Тавшино, а как найти к нему дорогу, я объяснил. Вызывайте местных, — приказал Гуров и бросил быстрый взгляд в окно, на стену крепкой бревенчатой избы, где ожидал увидеть табличку с названием улицы и номером дома, но вдруг рядом с дверью автомобиля возник крепкий мужчина, одетый, несмотря на мороз, в тонкую

водолазку синего цвета. Мужчина постучал в окно, и Гуров опустил стекло.

— Извините, — вежливо произнес незнакомец, наклонившись, чтобы показать свое лицо, — вы тут загородили дорогу, я выехать не могу.

Первое утверждение было ложным — подъезд к ближайшему забору «Форд» не перекрывал, а всего лишь прижимался к нему левым боком, да и то не очень близко.

— Вряд ли я смогу кому-то помешать, — отрезал Гуров.

— Не веришь? — развел руками мужчина. — Выйди и посмотри.

— Мне и отсюда все хорошо видно, — ответил Лев Иванович, но на всякий случай отвернулся от окна и, держась за спинку пассажирского сиденья, обернулся. А в следующий миг мир в глазах Гурова померк, и он потерял сознание.

Тонкая паутинка моталась прямо перед глазами. Гуров пару секунд смотрел на нее, пытаясь осознать, что произошло, а потом ощутил головную боль. Он хотел было приложить руку к лицу, но не смог — обе руки были крепко зафиксированы за спиной. Сам он сидел на полу. Тот, кто притащил Гурова в помещение, заботливо прислонил его

к кирпичной стене. Кажется, серьезных травм он не получил, иначе чувствовал бы себя намного хуже. Прикрыв один глаз от боли, он смог осмотреться и сделать кое-какие выводы.

Мужик, которого он увидел перед тем, как потерял сознание, хорошенько ему врезал. Ни сил не пожалел, ни здоровья. У Гурова ломило всю левую часть лица. Мог бы и убить, но не стал этого делать или не успел, а теперь уже и не спросишь. А теперь Гуров заточен в подвале с бетонным полом и кирпичными стенами. Окно маленькое, света даже в ясный день маловато. Значит, должен быть другой источник света, но ни на потолке, ни на стенах не видно лампочки или светильника. Сам подвал не был заброшен, сюда явно наведывались. У дальней стены стояла раскладушка с кучей тряпья, рядом с ней две канистры и пластиковое ведро, неплотно прикрытое крышкой. Запах неприятный, словно неподалеку сортир со сломанной дверью и неработающим сливным бачком, и одному богу известно, откуда так сильно несет.

«Стас, — вспомнил Гуров. — Село Тавшино. Как долго я тут сижу?»

То, что его заметили, было понятно. Скорее всего, следуя за «Волгой», Гуров проко-

лолся, позволив тем, кто в ней ехал, понять его намерения. Они трижды подвергали его проверке, останавливаясь по пути в самых различных местах, и каждый раз, заметив его «Форд», ругались, наверное, от души. Гуров тогда еще не знал, насколько бесполезными были его попытки остаться незамеченным. Скорее всего, решение избавиться от него было принято преступниками еще до того, как они заехали в село.

«Наверняка заметили, что я по телефону разговаривал», — подумал Гуров.

Положение было, как говорится, из рук вон плохо. Очевидно, преследуемые поняли, что им лучше не задерживаться, а вот Гурова можно оставить в доме, который они покинут. Сначала, конечно, подослать кого-то более мощного, чтобы вырубил его точным ударом, без лишней мороки, а потом запереть. «Форд» с «новыми» номерными знаками тоже можно убрать, тем более что те же номера можно очень быстро перевесить.

Получается, что Лев Иванович сам себе отрезал все пути назад. Найти его будет очень трудно.

Он мотнул головой. «Приди в себя немедленно, — приказал он самому себе. — Не в прорубь сбросили, а живым оставили. Это

что значит? Правильно. Планируют вернуться, чтобы убраться. Или вообще не уезжали, а ты со своими фантазиями уже свадьбу сыграл. Ты им нужен — они захотят познакомиться поближе. О том, что ты из полиции, уже знают. Твой мобильник у них в руках. Машина — тоже. Будут требовать обменять тебя на свою свободу».

Мысли прыгали одна выше другой, но в единое целое собирались неохотно. Гуров попытался подняться на ноги, и ему удалось это сделать. Его ноги тоже были связаны серой изоляционной лентой. Прыжками добравшись до окна, он понял, что посмотреть в него не удастся, поскольку стекло было покрыто какой-то мутной субстанцией, сильно смахивающей на канцелярский клей. Через этот слой клея невозможно было что-либо рассмотреть.

Гуров прислушался. Где-то недалеко, возможно, даже в доме, звучали голоса, но настолько тихо, что слова разобрать было невозможно. Прислонившись спиной к стене, Лев Иванович некоторое время выжидаяще смотрел на потолок. Показалось или нет?

— Не поможет, — вдруг услышал он слабый голос. — Я пытался. Не помогло.

Гуров вздрогнул и посмотрел в ту сторону, откуда раздался голос. У стены стоя-

ла раскладушка. То, что казалось грязными тряпками, было человеком. Несмотря на плохое освещение, его удалось рассмотреть. Лет пятидесяти, худой. Одет в бежевый свитер с крупным коричневым узором на груди и серые джинсы. От холода его спасала темная куртка, которая, очевидно, служила ему и одеялом. Мужик сидел на раскладушке, опираясь локтями о колени, и рассматривал Гурова.

— Ты кто, дядя? — строгим тоном спросил Лев Иванович.

— Твой сосед, — ответил незнакомец.

— Развяжи мне руки, — попросил Гуров. — С ногами сам справлюсь.

— Не могу, — сказал в ответ мужчина. — Я и себе-то помочь не могу.

— Чего ты не можешь? — не понял сыщик.

— Руки. Кажется, они сломали мне пальцы.

— Кто? За что?

— А тебе зачем это знать? — напрягся мужчина. — Я тебя не знаю.

— Но сочувствуешь, — кивнул Гуров. — Спасибо.

— Помог бы, но не могу, — повторил мужчина. — Даже в туалет хожу как на пытку. — Он указал подбородком в сторону ведра.

«Так вот откуда тянет, — догадался Лев Иванович. — Значит, на улицу не выводят».

— Ведро пустое, — словно угадал его мысли мужчина. — Но, видно, не мыли.

— Давно ты здесь? — осторожно спросил Гуров, не особо надеясь на ответ, но мужчина, как ни странно, молчать не стал.

— Дней пять или шесть, примерно так.

«Не будет он мне помогать, — понял сыщик. — Потому что боится. Всего боится, и меня в том числе. Может, он сам подсадной. Кто знает, как долго я был без сознания и о чем в это время говорил?»

— Который час? — спросил Лев Иванович.

— Не в курсе.

— А звать тебя как?

— Виктором.

— Как ты здесь оказался? Где мы? Что это за место?

Гуров специально забрасывал мужчину вопросами в надежде на то, что он разговорится и сам выдаст информацию. Судя по всему, те, кто мог находиться в доме, не слышали того, что происходит в подвале. Теперь, со стороны окна, Гуров наконец увидел выход на волю. Не какая-то там стальная, а обычная дешевая фанерная дверь, расположенная на высоте двух бетонных ступеней

и, разумеется, закрытая на замок, чтобы «гости» не сбежали.

Теперь, когда Гуров освоился и обнаружил, что находится в подвале не один, а с сокамерником, он понял, насколько серьезной оказалась ситуация, в которую он попал. Она и до того являлась крайне неприятной, но теперь, обрастая подробностями, с космической скоростью превращалась в большую проблему, решить которую без жертв будет невозможно. Кажется, похитители девушек и мужиков воруют. Но если от девушек они могут получить сексуальное удовлетворение, то зачем им Виктор?

Гуров вдруг понял, что невнятные голоса, которые он недавно услышал и все это время старался не упускать, смолкли, и это ему совсем не понравилось. Преступники либо покинули дом, либо занялись своими делами, либо вот-вот должны были появиться на пороге, чтобы проведать пленников. Вряд ли им принесут горячий ужин и предложат осмотр врача. Скорее, припасли что-нибудь нехорошее.

Не теряя времени, Гуров снова поднялся на ноги и переместился на прежнее место — туда, где недавно очнулся.

Его вдруг осенило. А там ли он, где считает, оказался? Он успел сказать Стасу, что ме-

стечко, куда его привела опознанная «Волга», носит название Тавшино. Но где гарантия того, что дом, в подвале которого он заперт, находится там же? Сколько времени Гуров был без сознания? Полчаса или гораздо дольше? Хотя можно догадаться, сколько времени прошло. Через мутное стекло в подвал поступал слабый свет, а Гуров в последний раз звонил Стасу в районе полудня. Зимой темнеет рано, часа в три уже начинает потихоньку смеркаться, а в четыре-пять вечера и вовсе наступает мрак. Получается, что он все еще в селе Тавшино, а после удара верзилы в челюсть прошло не более двух-трех часов.

С помощью этой нехитрой арифметики Лев Иванович окончательно убедился в том, что надежда выбраться живым у него еще есть. Возможно, Виктору с его покалеченными руками тоже светит свобода. Но самое главное, что Лев Иванович понял четко: помощь следует ждать с минуты на минуту.

Громкий резкий звук оповестил заключенных о том, что в дверной замок кто-то вставил ключи. Дверь открылась. На самой верхней ступеньке Гуров заметил мужской силуэт, но не смог рассмотреть лицо. Человек некоторое время переводил взгляд

с Виктора на Гурова, после чего спустился по ступеням, подошел к Льву Ивановичу и с задумчивым видом принялся его рассматривать. На вид пришедшему было около сорока лет, рост выше среднего, короткие темные волосы и широкое квадратное лицо с асимметрично расположенными на нем чертами. Складывалось впечатление, что голову насадили на шею криво, и с первого взгляда это не бросалось в глаза, но после становилось довольно заметным.

Снизу вверх он смотрел на мужчину, пытаясь угадать его намерения, но так и не смог этого сделать, пока мужчина не достал из кармана куртки нож с коротким лезвием и не опустил его напротив него на корточки.

— Не замерз, Лев Иванович? — неожиданно тепло улыбнулся он.

За его спиной раздался шорох, и Гуров машинально посмотрел в сторону стоявшего Виктора, который поспешно сделал шаг от ведра. Мужчина, сидевший перед Гуровым, тоже обернулся на звук, и Лев Иванович рванулся головой вперед. Но враг и не думал дремать. Он отвернулся от Виктора как раз в тот момент, когда Гуров попытался нанести удар головой. Пришедшему уда-

лось уклониться, а Льву Ивановичу досталась еще одна доза «успокоительного» — мужик поймал его лоб пятерней и с силой оттолкнул. Гуров ударился затылком о стену и затих. Мужчина ловко перерезал изоляцию, обматывающую его ноги, затем спрятал в карман нож, привстал и рванул Гурова за куртку вверх, заставляя подняться на ноги.

— Не нужно ломаться, товарищ полковник, — страшным тихим голосом произнес незнакомец. — Ты же не дурак, правда?

Он толкнул Льва Ивановича в сторону двери. Перед тем как преодолеть нижнюю ступень, Лев Иванович бросил взгляд в сторону Виктора, неподвижно стоявшего у стены. Гуров мог поклясться, что краем глаза заметил тень, мелькнувшую за окном.

Когда они вышли из подвала, дверь в него была тут же закрыта на ключ, который отправился в карман куртки сопровождающего.

— Не представишься? — спросил у конвоира Гуров.

— Тебе, Лев Иванович, мое имя знать не нужно.

Почувствовав толчок в плечо, Гуров не сдвинулся с места. Мужик тут же оказался перед ним.

— Спорить будешь? — вскинул он брови. — Не надо. Ты впереди, я сзади. Не заблудишься.

Он был прав — двигаться можно было лишь в одном направлении, направо. Слева же от подвальной двери была глухая стена. Лев Иванович медленно двинулся в правую сторону. Конвоир осторожно ступал за его спиной. Коридор, по которому они двигались, был узким, и Лев Иванович задевал локтями заведенных за спину рук стены, украшенные бледно-желтыми бумажными обоями.

В конце коридора была развилка, дойдя до которой, Гуров остановился.

Конвоир тут же обогнал его, благо места тут было побольше, вдвоем вполне можно было разойтись. Слева Гуров увидел приоткрытую дверь. Очевидно, за ней его и ждали.

Остановившись рядом, мужик вытянул вперед руку и толкнул дверь пальцами, но она приоткрылась совсем ненамного. Шумно выдохнув, конвоир сделал шаг вперед и толкнул дверь сильнее. Та не подалась, словно упиралась во что-то, лежавшее в комнате на полу.

— Да что ж такое, — с досадой произнес мужик.

Гуров замер — вокруг было очень тихо, будто бы за дверью никто его не ждал.

Лев Иванович знал, что будет дальше. И не ошибся. В следующий момент тишину нарушили грохот и громкие крики. Гремя тяжелыми подошвами, в коридор ворвались парни из спецназа. Гуров вжался стену, чтобы не мешать им работать. Зона захвата, включая узкий проход, была проблемной, поместиться здесь могли человека три, и то с большим трудом. На конвоира тут же навалились, пресекая его попытку проникнуть в комнату.

— На пол! — полоснул по ушам окрик одного из спецназовцев, навалившегося на задержанного. — Руки назад!

— Поворот направо, там будет дверь в конце коридора, ключи у этого в куртке! — громким голосом произнес Гуров. — В подвале заложник. Ему нужен врач.

Два спецназовца рванули в указанном направлении.

В комнате, в которую Гурову так и не удалось попасть, тоже, похоже, шла война. Правда, закончилась она очень быстро. Шаги, звук опрокинувшегося стула. Дверь комнаты, которую что-то подпирало изнутри, распахнулась, и на пороге возник парень в бронежилете и с пистолетом ■

в руках, а за его спиной появился взмокший Крячко.

— Свои, — произнес он.

Парень в бронжилете отступил, пропуская Гурова в комнату. Стас не стал ждать, когда Лев Иванович войдет, тут же рывком затащил его внутрь и плотно прикрыл дверь, оставив парня в коридоре. Ему хватило одного взгляда, чтобы оценить истинное положение вещей. Достав из кармана перочинный нож, он разрезал изоленту, стягивающую запястья Гурова, и тот, морщась, медленно развел руки в стороны, проверяя, нет ли в плечевых суставах боли.

— Стареешь, — заметил Стас. — Раньше, бывало, по двое суток мог так сидеть, а потом еще и в драку лез.

— Не было такого, — ответил Гуров. — Сколько я здесь торчу?

— Часа три, — ответил Стас.

— Дом сразу нашли?

— Ты бы зрение проверил, — нахмурился Стас. — Нет в Подмоскovie села Тавшино. И не было никогда.

— А как же... — растерялся Гуров.

— Выпей водички, — посоветовал Стас.

— Выпил бы, да откуда она у меня?

Крячко указал на стол.

Гуров осмотрелся. Комната когда-то служила хозяевам столовой. Она была доволь-

но просторной, уставленной добротной мебелью производства советских времен. Диван-раскладушка с полированными подлокотниками, рыжий шкаф с двумя створками и огромным ящиком под ними, два стула с овальными спинками и круглыми сиденьями, а середину комнаты занимал круглый стол, на котором Гуров увидел давно не мытую чугунную пепельницу в форме ежа. Рядом стоял поднос, а на нем графин и два перевернутых граненых стакана. Гуров схватил один, наполнил его водой и выпил ровно половину.

— Как же тогда вы меня нашли? — выдохнув, спросил он. — Почему здесь так холодно?

— Так мы сюда через окно с лейтенантом зашли, — указал на открытые оконные створки Стас.

— Черт с ним, с окном. Про поиски расскажи.

— Долгая история, — отмахнулся Крячко. — Но если в двух словах, то благодари подмосковную полицию. Ну и бравый спецназ, конечно.

— Не такая уж и долгая твоя история, — возразил Гуров. — Ладно, если вы здесь, то что-то я все-таки сделал правильно. Меня в подвале держали. Там со мной какой-то бе-

долага был. Сказал, что пять дней тут находится. Похоже, его пытали. Пальцы на обеих руках сломаны.

Стас обескураженно посмотрел в сторону двери. Шум за ней стих, но в отдалении все еще были слышны чьи-то голоса.

Дверь распахнулась, на пороге появился лейтенант, с которым Гуров пять минут назад столкнулся на пороге. Взглянув на Стаса и на Гурова, он убрал пистолет в кобуру.

— Что там? — спросил Крячко.

— Одного взяли, оружия у него не было, — доложил лейтенант. — Вы здесь его допрашивать будете или сразу в отдел поедем?

— Не мог он быть один! Я двоих видел! — понизил голос Гуров. — Первый меня вырубил, а второй сюда из подвала привел. Его-то вы и задержали. А мы сюда, в эту комнату шли, здесь еще кто-то был.

— Не может быть, — пробормотал парень. — Мы все обыскали.

Рука его снова потянулась к кобуре.

— Значит, не все! — рывкнул Стас.

Лейтенант поднял руку, призывая к тишине. Едва заметным кивком указал на шкаф и, держа оружие наготове, медленно направился в его сторону. Стас отодвинул Гурова плечом, достал табельный пистолет и прицелился. Гуров почувствовал себя здесь лиш-

ним. Безоружный, с заплывшим глазом, он прекрасно понимал, что толку от него мало, тем не менее он напрягся, готовый в случае чего вступить в бой, и уставился на высокую дверь шкафа.

Вдруг дверь шкафа с грохотом открылась, и на лейтенанта набросился человек, прятавшийся внутри. Выстрелить лейтенант не успел, но в долгу не остался — мгновенно сцепившись с напавшим, он повалил его на пол. К ним тут же подошел Стас. Нападавший не сумел завладеть табельным оружием, и пистолет отлетел в сторону. Крячко быстрым движением ноги отправил его к Гурову. Чтобы взять пистолет, сыщику пришлось поторопиться, он опустил на одно колено, наклонился и внезапно потерял равновесие. Завалиться на бок помешала стена, к ней-то Гуров и «приклеился», преклонив колено. Перед его глазами развертывалось что-то фантастическое: ровные линии искажались, движения тех, кто был в комнате, стали рваными. Гуров будто смотрел какое-то кино, а пленку, на которую оно было записано, монтировал пьяный монтажер. Стас что-то крикнул, но Гуров не разобрал ни слова. Ему требовался отдых, всего-то минуту, не больше.

Дикий грохот раздался совсем рядом с ним. За спиной Льва Ивановича тут же образовалась мягкая опора, которая утянула его куда-то назад.

* * *

— Две недели?!

— Как минимум, — отрезал врач и взглянул на наручные часы. — Скоро ужин, супруга рядом с вами, в палате тепло, а жалоб у вас никаких, как я понял, нет?

Каждый раз перед тем, как отправиться домой, заведующий отделением с деловитым видом обходил палаты и пересчитывал своих пациентов. Обычно Гурова он навещал последним.

— Так что, Лев Иванович, нет жалоб?

— Вы же знаете, что нет, — устало произнес сыщик.

Надежда покинуть палату и отправиться домой не оправдывалась вот уже десять дней. Поначалу как только Льва Ивановича не пытали: то давление измеряли, то отправили на МРТ в подвал соседнего корпуса, то ЭКГ делали, на котором неожиданно обнаружили шумы в сердце. Гуров знал, что сотрясение мозга — вещь довольно серьезная, и поэтому первую неделю пребывания в стационаре вел себя хорошо, исполнял предпи-

санное и употреблял назначенное строго по расписанию. Галлюцинации, которые накрыли его в логове бандитов, медицина списала на последствия ударов по голове, с чем даже сам Лев Иванович вынужден был согласиться, так как наверняка знал, что его били. И, скорее всего, сильно. И, наверное, не один раз.

Но с начала второй недели он чувствовал себя прекрасно, если не считать некоторых моментов, о которых Гуров решил было помалкивать, но очень скоро понял, что не того пытается обвести вокруг пальца. Несколько раз по ночам у него случались приступы головокружения, после чего Гурова начинало рвать. Со временем приступы стали реже, а рвота и вовсе прекратилась, но лечащий врач Гурова Анатолий Игоревич безошибочно угадал, что почем, едва взглянув на синяки под глазами Льва Ивановича.

— Если будет прогрессировать, то рекомендую не скрывать, — посоветовал он.

— А что вы хотите? — попытался отшутиться Гуров. — Я же на воздухе не бываю.

Врач с жалостью посмотрел на пациента.

— Думаете, дело только в этом? — решил уточнить он. — То есть, значит, получается так: вас избili, вы несколько часов провели в сыром помещении со связанными конечно-

стями, после чего приняли участие в задержании преступника, но не смогли полноценно в нем участвовать по причине того, что крыша поехала не в том направлении? И даже после этого, находясь под пристальным медицинским наблюдением и корчась по ночам от головной боли, вы считаете, что это все побочки из-за отсутствия свежего воздуха?

— Доктор, я могу спокойно долечиться дома.

— Вы распознаете у себя признаки инсульта? — спокойно спросил медик.

И Лев Иванович решил ничего больше не скрывать. Но разговор о выписке заводил каждый день.

Сейчас, во время обхода, услышав старую песню о главном, врач неожиданно решил снять некоторые ограничения, но обозначил сроки.

— Послезавтра будет ровно две недели с того момента, как вы сюда попали, — сказал он. — Если все будет нормально, то, возможно, поговорим о выписке.

Маша, которая забежала к Гурову перед спектаклем, с сомнением взглянула в сторону мужа.

— Что не так? — не понял Лев Иванович.

— Все так, — ответила она. — Но меня до поздней ночи не будет дома.

— Прекрати, — попросил Гуров. — Я что, в первый раз сознание теряю?

— Так сильно тебя еще не калечили, — ровным тоном произнесла супруга.

«Просто всего не знаешь, — подумал Гуров. — И слава богу».

— Доктор, можно попроситься в попутчики? — спросила Маша.

— Конечно, — кивнул тот. — Вас подвезти до театра?

Он все уже знал про супругу Гурова. И не только он, а весь больничный медперсонал. На Гурова приходили посмотреть из кардиологии, хирургии и офтальмологии, но особенно усердствовали урологи. Заведующий урологическим отделением даже попросил у Маши автограф для своей второй половины. А еще получил пропуск в театр, где шел спектакль с ее участием.

— Лева, тогда я побегу? — неуверенно улыбнулась она.

— Иди, — разрешил Лев Иванович. — До свидания, Анатолий Игоревич.

— Смотри-ка, даже имя мое запомнили, — восхитился врач.

— Не все мозги мне отбили, — улыбнулся Гуров. — Запомните меня таким, Анатолий Игоревич.

— Каким?

— Здравым.

— Две недели, Лев Иванович, — поднял указательный палец врач. — Не меньше!

Он вышел из палаты. Маша тут же наклонилась над мужем, поцеловала его в щеку, задержала пристальный взгляд на его лице.

— Позвоню, — пообещала она. — Постарайся сделать так, чтобы твой телефон не был занят.

— Да мне никто и не звонит, — удивился Гуров. — Все мои в курсе того, что я в больнице. О чем ты говоришь?

— Не рассказывай мне сказки, — попросила Маша.

— Не буду, — пообещал Лев Иванович. — Ты все равно в них не веришь. Но если у меня все-таки телефон будет занят, то завтра не приходи. Отдохни. У меня все есть, что нужно, а ты сама слышала, что через два дня меня выпишут.

— Это неточно, — возразила жена.

— Точно. И ты сама видишь, что я здесь просто так валяюсь. Занимайся своими делами, нечего ко мне мотаться.

— Сейчас мое дело — это ты.

Она, не оглядываясь, вышла из палаты. Гуров подождал, пока стихнут шаги супруги, и схватился за мобильный телефон.

— Привет, — произнес он в трубку. — Не поверишь, но враги только что покинули поле боя. Раньше никак позвонить не мог.

— Совсем тебя там в черном теле держат, — поддержал друга Стас.

— И не говори.

— Как себя чувствуешь?

— Догадайся. Для галочки не выписывают. Правда, врач пообещал подумать насчет понедельника, но что-то мне подсказывает, что врет и не краснеет. Давай лучше о деле поговорим. Что там, как у вас дела?

Крячко пытался поговорить с напарником уже несколько дней, но либо ему, либо Гурову вечно что-то мешало, и разговор обрывался, толком не начавшись. Лев Иванович искренне надеялся на то, что сегодня он все-таки состоится.

— Ну как у нас дела... — вздохнул Стас. — Сам знаешь. Сначала пытаешься решить проблему, но по пути набирается новый ворох вопросов. Давай-ка я сразу скажу, что никакого села с названием Тавшино в нашей области не числится. Но указатель ты действительно видел.

— Конечно, видел. Я же в своем уме был, — возмутился Гуров.

— Указатель этот липовый, чья-то шутка, — продолжил Стас. — Участковый лично

при мне его из земли одной рукой вытащил, а это говорит о том, что его воткнули туда недавно. Что к чему — непонятно.

— Дуристика какая-то, — пожал плечами Гуров. — А такой населенный пункт вообще существует?

— Если и существует, то не там, где ты был.

— Тем более непонятно.

— Местечко, в которое тебя привел «волгарь», действительно является селом, но теперь оно практически опустело. Называется оно Бедное, сплошные заброшенные участки, да ты и сам, наверное, успел заметить. Даже стариков не осталось. Поумирали они. А родственникам не до дач. Хотя, по словам того же участкового, по весне иногда кто-то приезжает туда, начинает что-то сажать. Некоторые остаются до осени, но с каждым годом их все меньше. Особенных проблем гости не доставляют, но следить за селом приходится.

— «Шашлычные» пожары? — догадался Гуров.

— Ну да. Пару лет назад несколько домов сгорели. Там и так всего с два десятка изб было, а теперь чуть больше десяти.

— А кому принадлежал дом, в котором меня держали? — спросил Гуров. — В нем явно жили люди.

— Раньше в том доме жила многодетная семья, потом дети уехали в город, а старики родители оставались на родине до самой смерти. Документы есть, все в порядке. Новых жильцов там не должно было быть.

Гуров вспомнил про стоявший возле кровати пакет, который ему принесла Маша. Наклонившись, он запустил туда руку и вытащил связку бананов. Хмыкнул, положил на тумбочку. Снова зашерудил в пакете. Пальцы наткнулись на твердый бок бутылки с минералкой.

— Стас, перезвоню.

— Скоро?

— Да. Далеко не уходи.

За время пребывания Гурова в больнице к нему в палату никого не подселили. Он тут с самого начала находился один. Его кровать стояла в углу возле окна, а вот соседняя койка и три, которые располагались напротив, пустовали, напрягая своим внешним видом — голые матрацы, застеленные синезелеными шерстяными одеялами, и тусклого цвета застиранные подушки без наволочек представляли собой совсем не умиротворяющее зрелище.

Отложив телефон, Лев Иванович отпил воду прямо из бутылки. Пить хотелось постоянно, и дело было не в травме, а в том,

что в палате стоял сухой воздух. Проветривать помещение почему-то не разрешалось, и Гуров тихо страдал, упиваясь газировкой и соками в немыслимых количествах.

Он достал из тумбочки пачку сигарет, которую тайком выпросил у девушки, навещавшей отца. Мужчина лежал в соседней палате, дочь приходила к нему каждый день утром и покидала больницу вечером. Заметив это, Гуров как-то попросил ее принести ему сигареты. Машу о подобном он бы просить не стал. Все равно отказала бы.

Лев Иванович набросил на плечи куртку и вышел в больничный коридор. Пост медсестры занимала пухленькая черноволосая медсестра.

— Добрый вечер, Айгуль, — улыбнулся Гуров.

— Скоро ужин, — вместо приветствия напомнила медсестра.

— Я быстро.

— Вам нельзя курить, — понизила голос девушка. — Хотя бы здесь потерпите, а?

— Меня через два дня выпишут, — сообщил Гуров.

— А я врачу пожалею, — решительно заявила Айгуль.

— И не стыдно?

— Такая работа. На улице, если что, холодно. И снег идет.

— Да я на пять минут, ты же знаешь.

Айгуль улыбнулась и снова уткнулась в бумагу. Лев Иванович двинулся дальше, в сторону лифта. Проходя мимо холла, заметил свою спасительницу, сидевшую в одном из кресел. Соседнее кресло занимал грузный пожилой мужчина с усталым выражением лица. Он проводил Гурова безучастным взглядом, а вот его дочь кивнула Льву Ивановичу.

В ожидании лифта сыщик подошел к окну, но разглядеть за стеклом что-либо было невозможно, так как мешал яркий свет за спиной. Гурову пришлось оценивать собственное отражение и молиться, чтобы его выпустили из корпуса на улицу.

Створки лифта разъехались в разные стороны. Гуров заторопился зайти внутрь, но неожиданно шагнувший из кабинки Анатолий Игоревич заставил его остановиться.

— О! — задорно воскликнул он. — Лев Иванович!

— Он самый, — согласился Гуров. — Забыли что-то?

— А я по вашу душу.

Врач подхватил пациента под руку и потянул обратно в больничный коридор. Гуров, мысленно чертыхаясь, повиновался.

— Вы, я вижу, сбежать вздумали? — спросил Анатолий Игоревич.

— Бог с вами, доктор, — удивился Гуров. — У вас не забалуешь.

— А зачем в куртку нарядились? Курить собрались?

— Не курю, — соврал Гуров. — Просто подышать свежим воздухом захотелось. Здесь даже палату проветривать не разрешают.

— Безобразие, — согласился врач. — Но курить вам сейчас не нужно, вы же это понимаете?

— Но я...

— Присядем на минутку.

Они дошли до холла, который уже пустовал. Гуров послушно опустился в кресло, в котором недавно сидела его новая знакомая. Анатолий Игоревич сел в кресло рядом.

— От куртки тянет табачным дымом, — пояснил он. — Вы курите, Лев Иванович. Я лично два дня назад заметил вас возле нашего корпуса. Вы там за елками прятались и меня не увидели. Не подумайте, что мы тут следим за всеми пациентами, но если уж вы плохо спрятались, то думаю, что имею право дать вам совет. Как лечащий врач, разумеется.

■ — Я вас понял, — произнес Гуров.

— Я и сам курю, но меня хотя бы не избивали, — добавил врач. — Но если так уж хочется, то постарайтесь сократить количество побегов из палаты на улицу. Скажем, раза в два. Как думаете, у вас получится?

«Сволочь, — мелькнула мысль в гудящей голове Льва Ивановича. — Пристыдил, зараза».

Анатолий Игоревич согнал улыбку с губ и придвинулся к Гурову ближе.

— И все-таки хорошо, что я вас встретил. Иначе пришлось бы ждать. Собирайте вещи, Лев Иванович. Сейчас вы поедете домой.

Гуров уставился на врача.

— А что случилось-то? — непонимающе протянул он. — Мы с вами попрощались минут двадцать назад, и тогда вы категорически не хотели со мной расставаться. Что случилось за время вашего отсутствия? Жена, что ли, уговорила?

— Нет, ваша супруга здесь ни при чем, — скривил губы врач. — Ей, кстати, пришлось добираться до работы на такси. А отвезти я ее не смог потому, что мне позвонил ваш начальник. Что-то там стряслось, и без вашей помощи, кажется, ему не обойтись. Единственное, что я сделал, так это попросил не использовать вас... как бы это лучше сказать... физически.

Гуров молчал и не сводил глаз с Анатолия Игоревича.

— Никаких резких движений, — заявил тот. — Ни погонь, ни засад, ничего подобного. И мне обещали, хоть я и не верю таким обещаниям.

— Домой, значит?

— Домой. За выпиской приезжайте на следующей неделе, я приготовлю и оставлю в ординаторской.

— Значит, мне вы не поверили, а моему начальнику подчинились? — уточнил Гуров.

На это Анатолий Игоревич предпочел не отвечать. Он поднялся из кресла, одернул распахнутую дубленку, тем самым дав понять, что разговор окончен, после чего обернулся к стойке поста медсестры. Гуров встал и неуверенным шагом направился следом.

— Айгуль, Лев Иванович сейчас покинет стационар ввиду служебной необходимости, — пояснил он. — Не записывайте его в «бегуны». Я отпустил.

Айгуль удивленно перевела взгляд на Гурова.

— Надолго? — спросила медсестра.

— Выписывают, — пояснил Лев Иванович. — Хотел бы остаться, но не могу.

■ — Собирайтесь, Лев Иванович, — грустно проговорил доктор. — Возле КПП вас ждет

машина. Охрану я сейчас предупрежу. Да уж... Ваша служба и опасна, и трудна. Что ж... это я прекрасно понимаю.

Со Стасом Гуров объяснялся уже на бегу. С трудом удерживая телефон возле уха плечом, он быстро набивал в пакеты все, что обнаружил в своей больничной тумбочке: больничную одежду, тапочки, шерстяные носки, полотенце, скрученный тюбик с остатками зубной пасты, чашку, ложку, наполовину пустую бутылку с минеральной водой, тоненькую книгу с кроссвордами, зарядку для телефона.

Собравшись, он еще раз осмотрелся — не забыл ли чего-то? Заглянул под кровать, отодвинул тумбочку, перетряхнул постельное белье. Возвращаться в больницу из-за собственной рассеянности совершенно не хотелось. Поняв, что ничего не забыл, Гуров подошел к окну и открыл его настежь. В лицо тут же полетели колкие снежинки.

Прямо под окнами горел уличный фонарь. Казалось, он совсем близко и до его светильника можно дотронуться, если просто протянуть руку.

ГЛАВА 2

За больничными воротами Гурова действительно ждали. Заметив знакомую фигуру, нахохлившуюся неподалеку, он уверенным шагом направился в ее сторону.

— А чего на своих двоих? Мне сказали, что ты на машине, — не доходя пару шагов до человека, спросил Гуров.

Генерал-майор Орлов, непосредственный начальник, а также старинный приятель Гурова, не ответил. Так и остался стоять на месте, засунув руки в карманы пальто. Медсестра Айгуль не обманула: Москву накрывал снегопад. Не такой уж сильный, но вместе с ветром доставляющий дискомфорт всем, кто под него попал. Высокая влажность воздуха тоже делала свое дело. На улице было зябко, и Гуров, как только вышел из корпуса, сразу же натянул рукава на кисти рук.

А одежда и непокрытая голова Орлова, пока он ожидал Льва Ивановича, успели

покрыться снегом. Издалека казалось, будто его плечи и голову кто-то обильно посыпал сахарной пудрой, которая теперь красиво поблескивала в свете уличных фонарей.

— Приехал на служебной машине, но водителя пришлось отпустить. Что-то там у него дома случилось. То ли ребенок руку вывихнул, то ли жена. Все на ушах. Я ж не зверь. Ты как?

— Да я-то ничего, — повел плечами Гуров. — Считаю, как новенький.

— А вот я не как новенький, — посетовал Орлов. — Замерз, как цуцик.

— Что-то срочное, если ты меня прямо с операционного стола выдернул? — поинтересовался Гуров.

— Да, Лева. И если так уж вышло, что мы с тобой на своих двоих, то предлагаю вызвать такси и лично провожу тебя до квартиры. Там и поговорим. Не выгонишь?

— С какой стати? Я же в норме. Поехали, дома расскажешь, что к чему.

До самой квартиры Льва Ивановича генерал-майор не проронил ни слова. Лев Иванович и не настаивал на объяснениях. В присутствии таксиста свободно они бы все равно не смогли поговорить, а разго-

вор, как догадывался Гуров, предстоял серьезный. Поэтому он благоразумно помалкивал.

Маши, как и предполагалось, дома не было. Гуров наскоро соорудил нехитрый ужин, разлил по кружкам горячий чай и приготовился слушать.

— Тут такое дело, Лева... Во-первых, ты все-таки извини за то, что я тебя вызвал.

— Не вызвал, а вызволил, — поправил Лев Иванович. — Меня бы все равно через пару дней оттуда выгнали. Или раньше. Но что-то мне подсказывает, что я оставался в больнице так долго исключительно благодаря стараниям жены.

— Ее можно понять. Да и приложили тебя неплохо.

Гуров не стал спорить. Удар, которым его вырубил мужик в синей водолазке, запомнится ему надолго. В этом он был уверен. За все время службы в органах внутренних дел ему не раз доставалось от разных личностей, но так сильно — никогда. Он потерял сознание именно в тот момент, когда Стасу нужна была помощь, и до сих пор, несмотря на все облегчающие вину обстоятельства, чувствовал вину. Тот самый лейтенант, на которого выскочил прятавшийся в шкафу преступник, получил тя-

желые травмы и спустя несколько часов умер в больнице. Об этом Стас упомянул вскользь, и Гуров никаких вопросов больше не стал задавать.

Ну сколько было тому лейтенанту? Тридцать, не больше? Гуров после долго думал на эту тему. Вспоминал, сопоставлял. Ничего у него не выходило. Все говорило о том, что комнату, в которую его затащил Стас, просто не успели тщательно осмотреть. Шкаф не имел задней стенки и заслонял собой проем в стене, через который можно было уйти. Именно поэтому в комнате было так морозно, а одно открытое окно не успело бы так охладить помещение. Очевидно, тот, кто ждал встречи с Гуровым, первым понял, что дом окружен, и тут же спрятался в шкаф, не предупредив пособника, который в этот момент выводил Льва Ивановича из подвала.

Но почему же он не сбежал? Почему затаился в своем убежище? Может быть, понял, что побег не удастся? Вероятнее всего.

На месте были задержаны трое. Мужчина в синей водолазке и конвоир Гурова оказались родными братьями. Оба москвичи, но решили облюбовать брошенное жилье. Как выяснилось позже, не по причине дурной головы. Тот, что постарше, жил в доме, воз-

ле которого припарковался «Форд». Он-то и взял Гурова в плен. С младшим Гуров познакомился в подвале, когда тот решил навестить его и мужика с покалеченными руками. Но кем же был третий, который прятался в шкафу?

Информацией с Гуровым никто не делился. Вернее, на его вопросы, конечно, Стас отвечал, но как только Лев Иванович начал вникать в подробности, то сразу менял тему.

Сначала Гуров возмутился тем фактом, что его отстранили от дела. Позже успокоился, решив, что толку от него, лежащего в палате-одиночке, все равно нет. И, усмирив свой нездоровый интерес и амбиции, Гуров решил, что непременно выяснит все обстоятельства дела, но после выписки.

И вот этот момент настал.

— Погибший парень в спецназ пришел недавно. Не знаю уж, кто его поставил на позицию, но ему было необходимо должным образом проверить помещение, а он этого не сделал. Видимо, понадеялся на других. В итоге поплатился за это жизнью. Крячко крупно повезло в том, что преступник был занят другим человеком. Только поэтому и удалось его обезвредить.

■ Орлов отодвинул от себя тарелку.

— Вот так, Лев Иваныч. А про свои документы ты все знаешь.

— Знаю. Жаль, я тогда... — Гуров запнулся, шелкнул ногтем по боку своей кружки, — ослабел, — закончил он. — Может, и не умер бы никто.

Орлов не ответил. Он тоже смотрел в кружку с чаем, размешивая в ней сахар ложечкой. И делал он это с таким лицом, будто бы важнее дела у него в жизни не было.

— Ну не томи. Рассказывай, — попросил Лев Иванович. — Ты словно утаиваешь что-то. И Стас кругами вокруг да около ходит. С чего бы?

— А с того, что ты нередко лезешь на амбразуру, когда ты там совсем не нужен, — поднял на него тяжелый взгляд Орлов. — Сколько случаев было, когда и без тебя бы разобрались, но нет — Гуров тут, Гуров там... Что ты хочешь услышать?

— Кто эти подонки? Откуда взялись, чем занимались? За что пытали того мужика, который со мной в подвале был? — принялся перечислять Гуров. — Вы их проверили?

— А ты как думаешь?

— Ну так рассказывай, Петр Николаевич.

— Про братьев я тебе уже рассказал. Виталий и Валерий Меншовы. Тот, кто вы-

брался из шкафа, их лидер. Зовут Константин Лысенко. Тот мужик из подвала был их должник. На самом деле денег он им не был должен, но они так не считали. Виктор какой-то там... неважно. Фамилию забыл. Живет в Пензе, держит на даче пасеку. Документы в порядке, не привлекался, сертификаты на продукцию есть. Уже не первый год приезжает в Москву торговать медом, даже нашел где жить. Он снимает каждый раз комнату у одной старушенции, та рядом с рынком, где он торгует, живет. Остались еще такие небольшие рынки, там фирменные павильоны соседствуют с раскладными столиками. Лет пять уже приезжает. Но в этот раз не успел товар разложить, как явились к нему братья Меньшовы и определили его под свою опеку. За приличную, как ты догадываешься, плату. Говорит, что не видел их раньше, а аренду места на рынке оплачивал неофициально, там многие так делают. Просто передавал деньги секретарю директора рынка. С ней же заранее договаривался о своем прибытии — ну чтобы за ним прилавок закрепили. Схема отработанная, хоть и в обход закона. Проблем никогда не было. В этот раз тоже оплатил место, расставил свои банки, а спустя пару часов на него наехали Меньшовы.